

КРОКОДИЛ

Передовой опыт

КРОКОДИЛЬСКАЯ ПРОВЕРКА

Подготовка к грядущему обмену опытом подчас сводится к подготовке изобилия посадочных мест за банкетным столом...

ПОСАДОЧНЫЙ ЗНАК

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Кондрат УБИЛАВА

Знаете, что такое крюшон? Только не листайте словарь, я и без словаря объясню: несерьезное слово. Очень даже связанное с выпивкой. И все-таки крюшон — это... В Грузии о нем знает каждый мужчина, у которого начинают пробиваться усы. Все дело в секрете приготовления. Так и быть, я вас научу. Постарайтесь точно записать или запомнить. Лучше всего, конечно, самим увидеть. А еще лучше испробовать.

Но шутки шутками — дело делом. Прежде всего берете кувшин, желательно большой. Наливаете вино разного цвета, разного градуса, разного вкуса: хванчкару, цинандали, оджалеши... Что еще? Мукузани, саэро... Ну, что еще? Короче, все что есть в ваших бочках и бочках ваших соседей. А сверх этого — бутылочку «Греми» или «Варцихе», впрочем, коньяк без медалей тоже сойдет. Но это еще не крюшон. Нужно очистить от косточек килограмма два персиков. Если нет персиков — яблок. Нет яблок — груш. Алычи не надо. Компота тоже. Опустили нарезанное в кувшин — запаситесь терпением. Поговорите с друзьями о высоких материях минут двадцать — тридцать. Именно спустя это время смесь взрывает любую бочку, но не кувшин. Вот почему крюшон употребляют со «взрывчатыми» тостами. Умного он не пьянит, дурак его не пьет, так что все в порядке.

Даю попутную справку: химическая формула крюшона неизвестна. Ее не знал даже Менделеев. Говорят, мой дальний родственник Шукри знал, но ему 112 лет, у него устойчивый склероз. Химический состав этого напитка он формулирует не очень-то четко: «Крюшон — это вам не вода!»

Крюшон мы во время войны не готовили. Иногда удавалось потреблять составляющие его компоненты отдельно, и мы чувствовали себя баловнями судьбы.

Но однажды... Это было уже в конце войны. По пути на рейхстаг задержались мы в старом замке. У кого-то этот замок отобрал Риббентроп, ну а мы, в свою очередь, отобрали у Риббентропа. Как известно, самая романтичная часть замка — его подземелья. По их лабиринтам и устремились романтики.

Вдруг прибегает к нам взъерошенный сержант и кричит:

— В вашем подвале одна ерунда, а вот в нашем... Ух ты!

Силен был парень в рекламе. Побежали за ним и видим... Нет, дайте мне, грузину, дух перевести.

В сержантовом подвале разлеглись бочки, как гигантские свиноматки в хлеву. Только слышится: буль, буль, буль... В войну слишком много стреляют, естественно, часть пуль уходит не по назначению. Подошел к бурлящему пулевому отверстию мой корешок, сын винодела из Массандры, потянул носом и, даже не пробуя, опознал:

— Вина-то из отцова подвала!

Не из отцова, конечно,— из совхозного. Поэтому не одному сыну винодела, а всем нам стало обидно. Видим, по-крупному воровал Риббентроп: не только чужие замки, но и чужие цистерны с вином.

А мой корешок из Массандры склонился губами к виноградной струе:

— Дайте с отцом поздороваюсь...

Самый опытный из нас удержал его за плечо:

— Вино может быть отравлено.

Призвали каких-то «химиков», и те под руководством дивизионного ветеринара отпробовали вино и повеселели:

— Не отравлено, а даже наоборот!

Я, как самый старший, заметил, что и доброе вино, считай, все равно отравлено, если выпьешь больше десяти литров. Но на десять литров ни у кого из нас времени не было, разве что на литр, поэтому я смело наполнил свою баклажку из десяти разных бочек.

— Это,— объяснил я,— крюшон. Правда, без фруктов.

По моему примеру все наполнили фляжки. А тут кстати отдых объявили до утра, и в риббентроповой гостиной затрещал камин.

— Ребята, товарищ лейтенант,— закричал самый веселый из нас,— а ведь именно сегодня день рождения Светланы (нашей радистки). Мы его отмечали в Новгороде, почему бы не отметить в Берлине?

— В логове врага? — спросил самый строгий из нас.— Здесь надо настраивать себя не на выпивку, а на взятие рейхстага. Верно, товарищ лейтенант?

— Нет,— говорю,— неверно. Наш крюшон взятию рейхстага не помешает. Собирайте всех, кроме дежурных по радиостанции.

И объяснил, как пьют крюшон в Грузии, как поднимает он настроение, как укрепляет здоровье лучше всяких таблеток. Все засмеялись и избрали меня тамадой.

— Канцы,— начал я,— известный грузинский рог, из которого пьют и веселеют. Здесь у нас канцы нет, пусть заменит его моя фляжка, дважды пробитая пулями. Пробитая, потому что кто-то очень не хотел, чтобы она стала победным канцы. Дважды я ее запаивал, чтобы теперь здесь поднять тост за ефрейтора Свету, которая к двадцати пяти годам прошла пол-Европы и намеревается взять рейхстаг.

Кто-то хотел выпить сразу, но я не позволил. Ведь нам, братьям и сестрам, породненным войной, предстояло не просто выпить, а породниться за единым столом и единым канцы. И я сделал так, как поступали мои деды и прадеды, очень умные люди. Я весь в них. Булавкой от медали я наколол палец и выдавил каплю крови в фляжку.

Все поступили так же. В наш крюшон вместо сока фруктов попала кровь волгарей, сибиряков, киевлян, станичников Дона, горцев...

На мой тост отвечали мои боевые товарищи и сама Света. Все говорили о том, о чем каждый из нас мечтал: не о том чтобы отдыхать после войны, а чтобы от боевого труда поскорее перейти к труду мирному.

Наши тосты оборвала боевая тревога. Началась артподготовка, после которой взводу предстояло пройти до рейхстага всего триста метров. Но это были самые трудные метры за всю войну.

И мы их прошли, потеряв трех товарищей. А виновницу недавнего торжества Свету тяжело ранило. Говорят, на войне привыкаешь к потерям. Я бы этого не сказал. Так до самого конца войны мы и не привыкли терять друзей. Конечно, потери взвода для такого большого боя были невелики, но комбат вспомнил про крюшон и вызвал меня.

— На именинах вы или на войне?

Наверное, в первый раз за свою походную жизнь я растерялся и невпопад ответил:

— Так точно.

Представьте, дошла история о злополучном крюшоне даже до командира корпуса. Пришлось мне вместе с комбатом стоять навытяжку перед генералом Переверткиным. Губы и брови комбата превратились в две параллельные линии.

— А ведь зря вы это, товарищ комбат,— улыбнулся, выслушав нас, генерал.— Крюшон не самогонка и даже не спирт. Крюшон — это настроение. Будем считать, что лейтенант провел со своими связистами политчас перед боем. Только распространять его опыт не будем.

На другой день об этом разговоре знал весь личный состав корпуса. Но связисты здесь ни при чем. Виноват тот самый крюшон. И теперь, когда несведущие спрашивают меня «Що цэ таке крюшон?», я отвечаю словами бывалого генерала:

— Крюшон — это настроение...

Вадим ПОЛУЯН

БЫЛЬ

ГОЛОЗЕРНЫЙ ЯЧМЕНЬ

Сорокапятка смолкла в сорок пятом.
Вернулся, родненький, к жене, к ребятам.
По избам — дождь, как по опятам.
Растите, милые, никто не тронет вас!
А нервы все еще на взводе,
как под огнем в полеглом взводе,
где смерть с солдата глаз не сводит...
Нет, самогон не действует,— как квас.
У шмыгавшего носом гармониста
в горстях брусникой мамкино монисто.
«Покажь!» — пристали девки гомонисто.
«Отцово подаренье!» — и — за пазуху...
Портновски пахнут плотные отрезы.
Духи — поминок Марье от Терезы.
«Бутыль опорожнил, сынок, а трезвый!» —
мать жертвенно несет бутыль-запаску...
В счастливом росплеске гармошка и напиток.
Сума солдатская подарками набита.
На всю деревню лишь одна обида:
а ты-то что из дальних стран довез?
Солдат нашел карман внутри шинели.
«Пакетик махонький!» — соседки зашумели.
Не знал, кому отдать: детишкам ли, жене ли!
В пакете — зерна. Это что! Овес!
А взор солдата голубой, озерный.
«Ячмень привез я голозерный!
Иду, а ветерок околоземный
волнует неизвестные хлеба.
У нас, в Сибири, нет такого сорта»...
Зевнул завмаг: «Вот учудил! Вот сор-то!
Иль не нашел поинтересней «золота»!
Ведь верст за тыщу киселя хлебал!»
Встал агроном, видавший виды,
в пакетик заглянул и молвил деловито:
«Что ж, чудо-зернышко,
попробуй, поживи ты,
ведь рядом здесь не Альпы, а Урал».
Солдат засеял крохотный участок
и крапинки ростков
от заморозков частых
шинелью укрывал, как дед внучаток,
чтоб не обидел их шальной буран.
Земля была ухожена при родах
и стала матерью для всходов желторотых.
Рос колос к колосу,
как пополненье в ротах...
Был скоро оценен солдатский дар!
Мониста не сыскать в чулане
из-за пыли,
костюмы старые давно на тряпки сбыли:
прошло немало лет!
Кто что привез!
Забыли...
А у солдата — наливной гектар.
Гость в новом сорте путался, как в ребусе.
Сосед искал в стеблях сибирской крепости.
Ученый муж, весь розовый от ревности,
смотрел зерно на свет, как изумруд...
Солдат был мудрым, коль сказать правдиво.
В селе заговорили, как про диво:
«Сибирь-то европейца породила!»
Проходят люди...
Встанут...
И замрут...

Юрий БЛАГОВ

Бабушки и внучки

Ленинградские бабуси
Речь ведут о внучках,
Мол, смотрите, у Натуси
Сколько силы в ручках:
Выдает на фортепьяно,
Без труда и страха,
Иоганна Себастьяна,
Прямо, скажем, Баха!
А Маришку называет
Старший тренер асом!
Даже взрослых забивает
В состязаньях брассом.
Достигают, что хотелось,
Дай им бог удачи...
А вот в нашем детстве смелость
Тратилась иначе.
Фуги Баха заглушало
Бахканье фугаски,
Все горело и дрожало,
Словно в страшной сказке.
Ручкам тонким, ножкам тонким
Было не до брасса,
Все же стойкости девчонкам
Требовалась масса.
Не сочтешь благополучным
Раненое детство,
Но зато отвагу внучкам
Дали мы в наследство!

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ, специальные корреспонденты Крокодила

С улыбкой — лучше

Возвратившиеся из странствий любят сравнивать. Что-то одно им обязательно напоминает другое, виденное раньше. Чаще всего совершенно непохожее.

— Прага — это маленький Париж! — ошеломляют они вас нанайской зоркостью глаза.

Или:

— Прага — это большой Таллин!

Одни утверждают, что Вацлавская площадь это вылитая Виа Венетто в Риме, другим мерещится Венеция в островке Кампа, омываемом Влтавой и Чертовкой.

Что ж, может, средневековая башня Далиборка, замыкающая пражскую Золотую улочку, и впрямь смахивает на таллинскую Толстую Маргариту. Действительно, есть в Петршинских садах и обозревательная вышка, построенная по образцу Эйфелевой башни. Она, правда, в пять раз ниже последней. Но у пражан другая арифметика. Они отсчитывают высоту своей вышки от уровня моря. И получается, что она даже на восемьдесят семь метров выше творения Александра Гюстава Эйфеля.

По улице Праги катит трамвай. Наш соотечественник изумляется:

— Точь-в-точь как на Шаболовке!

Верно, и в Москве полно трамваев завода «Татра-Смихов».

И пражское метро замечательно напоминает московское — все вагоны Мытищинского завода. Что же касается станций, тут встречаются разные мнения.

— У нас отделка побогаче будет! — иронично замечает один турист и указывает мизинцем на потрескавшиеся камни в вестибюле станции «Мостик».

— Дизайн оставляет желать лучшего! — подхватывает другой, тоже, видно, большой ироник.— Хоть бы пластиком облицевали!

— Да, выглядит, конечно, грубовато,— вежливо соглашается гид-переводчик.— Но тогда еще не знали пластиков. Этой кладке почти тысяча лет. Уникальный мостик в романском стиле. Обнаружен при строительстве пражского метро. Охраняется государством.

Это не просто курьез. Это — свидетельство удивительно бережного отношения к памятникам старины, с которыми сталкиваешься в Праге буквально на каждом шагу.

Бытует утверждение, что храм святого Вита — это копия собора Нотр Дам. Опровергнуть его не можем. (Давно в Париже не случалось быть!) Но зато знаем наверное, что только в храме Вита за семью замками упрятаны знаменитые королевские коронационные регалии. Семь сложнейших ключей хранятся в семи надежнейших сейфах семи различных учреждений. Пропадет один ключ, не дай бог, и палату с драгоценными регалиями придется вскрывать автогеном. Народное предание гласит, что всякий, кто самовольно наденет на себя святовацлавскую корону, вскорости погибает. Конечно, к легендам можно относиться по-разному. Но во время войны корону святого Вацлава, украшенную сорока шестью шпинелями, двадцатью сапфирами, двадцатью пятью изумрудами и двадцатью жемчужинами, пожелал напялить на себя протектор Чехии и Моравии нацист Гейдрих. И в мае 1942 года он был убит чехословацкими патриотами. В отместку гитлеровцы сожгли деревню Лидице недалеко от Праги, жестоко расправившись со всем ее населением.

Лидице — это наша Хатынь.

И сходство тут не внешнее. Скорбную тишину огромного сада Лидице, для которого были присланы розы со всего мира, и тревожные звоны Хатыни роднит горечь происхождения.

Лоретанская площадь. В старинном доме, похожем на гостиный двор в любом русском городе, есть непримечательное, казалось бы, заведение, над входом в которое светится силуэт башмака. Называется оно —

▶

— Привет, коллеги!

ГРАБИТЕЛИ СО СКАЛЬПЕЛЕМ

Чудовищный и неуклонный рост стоимости медицинского обслуживания в США не только повергает в отчаяние простых американцев, но уже вызывает легкую оторопь даже в буржуазной печати.

Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» вынес на обложку цветное фото операционной, снабдив его точными ценниками: «Палата — 140 долл. в день», «Наркоз — 460 долл.», «Хирургу — 2500 долл.», «Переливание крови — 25 долл. за пинту» (пинта — 0,47 литра), «Интенсивный уход — 300 долл. в день», «Рентген и анализы — 70 долл.».

Разбойные нравы американской медицины комментируют наш художник А. КРЫЛОВ, поэт Б. ЮДИН.

Глянули б на эти цены
(Ведь не выдумка, а факт!)
Гиппократ и Авиценна —
Вмиг сразил бы их инфаркт.

Бедняки, судьбу кляните,
Захворал — кидает в дрожь:
Кто — целитель, кто — грабитель,
Хоть умри, не разберешь!

«У ШЕВЦА МАТЕУША».

Это обувная мастерская-бар.

— Как так?! — изумится читатель, привыкший к четкому разграничению всего и вся.— Обувная мастерская — предприятие бытового обслуживания, а бар — общепитовская точка. Совершенно различные департаменты. Нельзя служить одновременно двум богам.

Оказывается, нельзя, да можно. И получается это очень даже славно.

Сапожника Матеуша давным-давно нет. Его роль исполняет мастер Ярослав Адамек. Он с радушной улыбкой встречает посетителей и предлагает сейчас же переобуться в мягкие (чистые и нестоптанные!) домашние туфли. Пока вы станете выпивать и закусывать в крохотном баре, где царствует второй работник этого синтетического заведения, бармен Петр Вонка, пан Адамек отремонтирует и почистит ваши ботинки. Нет здесь ни директора, ни зама, ни завпроизводством, ни завскладом. Но здесь уютно и тихо, здесь можно вкусно поесть, хорошо выпить и развлечься неожиданным образом. Пан Адамек является еще и массовиком-затейником, по-нашему говоря. Иногда он приглашает гостей собственно в мастерскую и, вручив молотки, обещает премировать каждого, кто сумеет, не сломав, вогнать пять деревянных гвоздей в подошву специально выделенного сапога. Задача сложная, а после пары рюмок совершенно невыполнимая. И хотя мало кому удается завоевать заветный приз, это забавное состязание создает здесь веселую и непринужденную обстановку. Пропуском в мастерскую-бар служит лишь пара обуви, требующая починки. И, кажется, влюбленные нарочно ломают каблуки и отрывают подметки, чтобы посидеть часок-другой «У шевца Матеуша».

Есть, конечно, в Праге и большие чопорные рестораны с мозеровским хрусталем, искрящимся на колких скатертях, где метрдотель, похожий на Вертинского, прежде чем вручить меню, сделает обстоятельный доклад об особенностях приготовления каждого блюда. Сонмище официантов — молодцов в белых куртках с золотыми эполетами — предупредительно бросается здесь к каждому столику. Один меж растопыренных пальцев волочет на выбор восемь бутылок разных напитков. Другой протягивает поднос с изобилием сигарет. Третий подкатывает столик с закусками. Четвертый и пятый позже принесут серебряные спиртовки и у вас на глазах станут кропить коньяком и поджигать розовые шматы телятины...

Но это, так сказать, репрезентативные или, проще говоря, шикарные рестораны для заезжих богачей, которые не знают, куда девать деньги.

Для тех же, кто еще представляет, куда их можно девать, но хочет провести вечер с друзьями вне дома, имеется великое множество более скромных и, на наш взгляд, куда более симпатичных заведений. Это так называемые винные ресторанчики — подлинная достопримечательность чехословацкой столицы.

Нет, кажется, в Праге подвала или полуподвала (не путать с подворотней!), где б не выпивали в разумных пределах. Увидев лестницу вниз, смело шагайте по ней, и вы неминуемо попадете в маленький ресторанчик с десятью, четырьмя, а то и вовсе с двумя столиками.

— Стоит ли затевать сыр-бор из-за такого ничтожного количества посетителей?! Нерентабельно! — воскликнет скептик, любящий всякое дело взять на арифмометр.— Вот отгрохать бы пищеблок на несколько тысяч посадочных мест, крупнейший в Европе!..

Нет, людям, оказывается, не надо ни крупнейшего в Европе, ни значительнейшего во Вселенной. Фабрики-кухни и столовые с залами, напоминающими вокзалы, слава богу, канули в Лету. Пражане любят посидеть за стаканчиком винца «У зеленой жабы», «У Малиржу», «У пана Броучка» или «У красного орла». В каждом таком кабачке есть свое коронное блюдо, свое вино и своя, так сказать, культурная программа. В «Малокарпатской винарне» вечером играет небольшой цыганский ансамбль, «У трех белых барашков» — джазовая двойка: рояль и ударные, «У лишки-быстроушки» тихо журчит магнитофон. Но все эти милые ресторанчики роднит одно: нигде вы не встретите официанта, который не был бы внимателен и любезен. Нигде вы не натолкнетесь на кислую мину или разговор сквозь зубы, даже если весь ваш заказ состоит из двух стаканов газировки.

Прага любит иностранных гостей, заботится о них.

В подземелье уже упомянутого собора Вита всего за одну крону автомат прочтет вам на любом из восьми языков лекцию о Карле IV и четырех его женах, похороненных здесь.

Смотритель Староновой синагоги предложит иностранцу пояснительный текст на десяти языках да еще от себя добавит, что нужно не забыть осмотреть кресло, на котором отдыхал рабби Лёв, педагог, философ и ученый, создатель легендарного глиняного великана Голема — первого в мире робота.

В погожий день возле каждой статуи на Карловом мосту стоят разноязыкие группы во главе с гидом из чехословацкого бюро путешествий «Чедок».

Гидов слушают, понятно, только новички и дилетанты. Бывалый путешественник знает Прагу, как свою жену. Двое суток в поезде он изучал ее по путеводителям Бедекера, Филиппова и Цтибора Рыбора. Гид и группа новичков нужны ему исключительно для самоутверждения. Едва выйдя из Староместской башни, турист-эрудит вопрошает:

— Скажите, не это ли древнейший пражский мост — Карлов, длиной 516 метров, шириной 5 метров 40 сантиметров, построенный из плит песчаника, стоящий на 16 быках, имеющий 30 статуй эпохи барокко, пять раз сносившийся наводнением и начатый сооружаться в 1357 году двадцатисемилетним архитектором Петром Парлержем, выдающиеся творения которого во многом определили своеобразие архитектурного облика Праги?

— Да, это тот самый мост,— нервно отвечает гид и торопливо ведет группу к ближайшей скульптуре.

Но раскрыть рта он опять не успевает. Всезнайка продолжает самоутверждаться:

— Скажите, не это ли самая ценная с художественной точки зрения скульптурная группа Карлова моста, изображающая видение Люитгарды, к которой склоняется Христос, чтобы она могла поцеловать его раны?

— Да, это та самая скульптурная группа.— Гид покрывается красными пятнами и, сделав марш-бросок, останавливается в таком месте моста, где вроде бы и рассказывать не о чем.

Но и тут дока замечает маленький бронзовый крестик, вбитый в каменный парапет:

— Скажите, не здесь ли в 1393 году по приказу Вацлава IV в мешке был сброшен во Влтаву и утоплен гене-

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Не плюй в потолок, не каждый потолок это выдержит.

И крылатые слова порой рождают бескрылые фразы.

МИМОХОДОМ

Легок на подъем тостов.

И точку зрения сумел превратить в многоточие.

«Мы получили ордер и собрались переезжать на новую квартиру. Однако представитель жэка отказался включить лифт, ссылаясь на то, что мал процент въехавших жильцов. На все наши уговоры и просьбы он отвечал: «Не положено». Так нам и пришлось таскать вещи на 6-й этаж.

Неужели есть такой закон?»

(В. Корнев, г. Москва)

«НЕ ПОЛОЖЕНО...»

В том-то и дело, что нет такого закона, а все это чистейшей воды самодеятельность и «здоровая» реакция растущего бюрократического организма на внешние раздражители. И если даже такого закона нет, сиделец при лифте его обязательно придумает. Не закон, так правило, не правило, так примечание — закавыку к хорошему правилу.

Согласитесь, что если бы он просто сказал вам: «Не включу лифт, потому что не желаю выходить из теплой диспетчерской на мороз» или «потому, что не нравится мне ваша физиономия»,— он рисковал бы нарваться на неприятности. Другое дело туманно сказать: «Не положено». И в меру солидно, и достаточно авторитетно, и вроде бы имеет в основании некий высший принцип, знать который не дано рядовому новоселу. «И газ

КРОКОДИЛИНКИ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

—Послушай, дорогой, я же сказал, что ковер не продается!

Рисунок Е. ГАВРИЛИНА

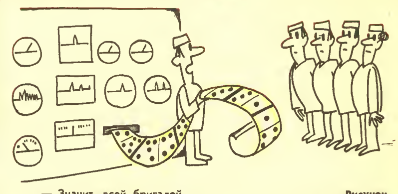
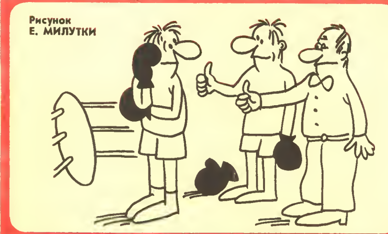

— Значит, всей бригадой целый день отлаживали программу?

Рисунок В. ВЛАДОВА

Рисунок Е. МИЛУТКИ

— Ты как с отцом разгова-риваешь?

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Александр ИВАНОВ

НАХОДКА В ПУТИ

Подкова счастья! Что же ты,
подкова!
Я разогнул тебя
из удальства —
И вот теперь согнуть
не в силах снова,
Вернуть на счастье трудные
права.
Александр МЕЖИРОВ

Мы шли с тобой, в траве змеилась
тропка,
Загадочно искрился Млечный путь.
Я молча мыслил образами. Робко
Сказала ты: — Загни чего-нибудь.
Мы долго шли. Нашли подкову,
к счастью.
Судьба дала мне то, что я просил.
Подкова — это к счастью! Но,
к несчастью,
Согнуть подкову не хватило сил.
Я чувствовал, во мне играет сила,
Светало, гасли дальние огни.
А ты, томясь, неистово просила:
— Ведь ты поэт, хоть что-нибудь
загни!
И отшвырнул подкову далеко я,
Любви и жизни постигая суть.
Рыдала ты. А я загнул такое,
Чего никто не в силах разогнуть.

ПО ПРИВЫЧКЕ Рисунок Г. ИОРША

Рисунок О. ВЕДЕРНИКОВА

Владимир КОМОВ
(К 60-летию со дня рождения)

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО

Манеж

«Вот это да,— подумал младший лаборант Горлуков.— На вид Дитятин тихоня, скромняга, недотепа. Ничего лишнего себе не позволяет... А оказывается — пробивной, делец с размахом, денег—куры не клюют...»

На эти завистливые мысли его натолкнули диалоги технолога Дитятина по телефону: с неделю он ежедневно куда-то настырно звонил и горячо интересовался манежем.

У Горлукова сразу же родились два убедительных варианта: а) увлекается бегами и приобрел собственную скаковую лошадь; б) одолел частнособственнический инстинкт и надумал соорудить персональный манеж для домашних развлечений...

Субботу и воскресенье младший лаборант посвятил сигналу о назревающем безобразии.

...Дитятина вскоре пригласила председатель месткома — женщина настойчивая, сообразительная и дипломатичная. Начала издалека:

— Вы интересуетесь спортом?

— Конечно.

— А бегами, скаковыми лошадьми?

— Тоже.

— Читаете зарубежные издания о чуждых нравах?

— Да. Выписываю журнал «Иностранная литература».

— К нам поступило тревожное сообщение, что вы намереваетесь обзавестись личным манежем.

— Намереваюсь, но никак не удается.

— А во сколько он обойдется?

— Не знаю.

— Неужто так широко живете, что даже не задумываетесь...

— А что делать? Позарез нужен.

— Разве это предмет первой необходимости?

— Да неужели вы, мать троих детей, сами не знаете!— взорвался вдруг Дитятин, так и не уловивший смысла беседы.

— Отлично понимаю! — в свою очередь, повысила голос хозяйка кабинета.— Я и мои дети обходились и обходятся без манежа, предназначенного для коллегиального пользования!

— А вот моей десятимесячной Таньке он немедля требуется!

— Возможно, вы и персональный плавательный бассейн ей построите?!

— Неплохо бы — ванна сидячая у нас,— вздохнул технолог и поднялся.— А все же обидно, что никак в «Детском мире» не куплю манеж. Все обещают... До свидания. Меня ждут в отделе...

Председатель месткома приоткрыла рот и стала сворачивать в трубку критическое письмо, но почему-то получился корявый кулечек. Затем она машинально сунула его в толстую тяжелую папку, вполне пригодную в качестве пресса для переплетной мастерской.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Трое изрядно подвыпивших гражданина пели нецензурные песни. Была проведена беседа. Стали петь тише».

**(Из журнала дежурств народной дружины).
Прислал С. Мельников,
г. Владимир.**

«Домашний дебошир к себе в квартиру дружинников не пустил. Проведена разъяснительная работа через замочную скважину».

**(Из отчета дружинников).
Прислал И. Батурин, г. Херсон.**

«Одна бутылка молока заменяет яд трех папирос».

**(Из лекции о вреде курения).
Прислал М. Полухин,
Куртамышский район
Курганской области.**

«А сейчас, уважаемые радиослушатели, в эфире ваши любимые мелодии. Надеемся, что вы узнаете их еще до того, как они прозвучат».

**(Из радиопередачи).
Прислала О. Доронина,
г. Алма-Ата.**

«Мозолистка работает только в женском отделении I разряда. Мужчины могут пользоваться ею, но в закрытом виде».

**(Объявление в бане).
Прислала Л. Сенкина,
г. Москва.**

Хозяйка смотрит на документы новой горничной.

— Шесть мест за год...— качает головой она.

— Да, мадам. Времена хороших хозяек прошли.

●

Заметка в газете:

«Сегодня в семь утра в местной больнице Святого Патрика миссис Рут Смит родила пятерых девочек. Врачи надеются, что им удастся сохранить жизнь мистера Смита».

●

ОСТОРОЖНО!

«Джорни», Италия.

— Гопкинс, наконец-то мы нашли компьютер достаточно глупый, чтобы заменить им вас.

«Дейли миррор», Англия.

●

В перерыве футбольного матча в кабину телекомментатора пришел тренер местной команды.

— Послушайте,— сказал он комментатору,— нельзя ли вести репортаж помедленнее! Наши ребята не могут играть с такой скоростью.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ

Шандор НОВОБАЦКИ
(Венгрия)

СОВМЕСТИМОСТЬ

У моей жены золотое сердце. И у меня оно тоже из благородного металла. И нам всегда жаль друзей и знакомых, которые страдают в одиночестве, которым не с кем разделить радости и печали.

И больше всех наши сердца жалели Панни, которая овдовела два года тому назад. И нашего друга Алайоша, который развелся примерно в то же время. Бедняга с тех пор сам стирает, убирает, пришивает метки к простыням для прачечной. Всегда он опаздывает, жалуется, что ни на что у него не хватает времени и что пуговицы к рубашкам он пришивает в кафе между первым и вторым, благо официанты, как правило, не торопятся.

Неудивительно, если сегодня или завтра наш Алайош заведет недостойную связь. Он вообще не смотрит, красива женщина или уродлива, умна или глупа, приветлива или сурова. У него одно мерило: жжет она рубашки при глаженьи или нет.

Этих двух прекрасных людей нужно было срочно спасать. Спасать друг для друга, ибо только слепой мог не видеть, что они самой природой созданы друг для друга.

Мы случайно пригласили их к себе поужинать. Панни была в лучшей свой форме: элегантная, приветливая, улыбчивая. У Алайоша были все пуговицы на рубашке. Они представились друг другу. Алайош постарался преодолеть неловкость первых минут знакомства и выбрал нейтральную тему: завел разговор о футболе.

Панни, тонко улыбнувшись, с очаровательной улыбкой сказала, что считает футбол величайшей глупостью, а людей, интересующихся этой игрой, зачисляет в разряд примитивных существ, сходных по интеллекту с амебами.

Алайош открыл было рот, но сдержался. Панни тоже, видно, осознала, что хватила через край. Она переменила тему и мягко спросила у Алайоша, какого он мнения о последнем многосерийном телефильме. Наш друг ворчливо буркнул, что не тратит драгоценное время на квакающий ящик с картинками.

Но вот жена внесла торт со взбитыми сливками. Панни он очень понравился, она взяла второй кусок, потом еще один. Но Алайош отклонил предложенное лакомство, заявив, что торт со сливками увеличивает вес и укорачивает жизнь. От его замечания кусок торта застрял у Панни в горле. Когда она проглотила его, она улыбнулась и сказала, что предпочитает людей скорее полных, чем хилых, тем более хилые, как правило, злы и сварливы.

Наш тощий Алайош криво усмехнулся и больше не обмолвился с Панни ни словом. Зато, когда жена вышла с ней на кухню, он начал выговаривать мне:

— Для чего ты знакомил меня с этой пухлой гусыней?

Панни, как выяснилось, в это же мгновение говорила жене:

— Неужели ты даже на полминуты могла подумать, что этот неотесанный хам может понравиться мне?

Нам было так неудобно, что мы не звонили нашим друзьям месяца три. Наконец я не выдержал и набрал номер телефона Алайоша. Ответил мне женский голос — и трубка выпала из моих рук. Это была Панни...

Перевела Е. ТУМАРКИНА.

— Робер, где фото моей мамы?
«Благ», Франция.

●

На съезде терапевтов. Выступает председательствующий:
— Все, кто за эту резолюцию, высуньте, пожалуйста, языки и скажите «а».

Услышав крик о помощи, прохожий вбежал в дом. Молодая женщина в слезах объяснила ему, что ее малыш только что проглотил четверть доллара. Незнакомец, не теряя времени, взял младенца за ноги, сильно встряхнул, и монета упала на пол.
—Ах, доктор,— закричала счастливая мать,— как я благодарна вам!
— Я не доктор,— ответил спаситель,— я сборщик налогов.

●

Агент по сдаче квартир внаем, устав торговаться с бедноватым клиентом, возвел глаза к небу, и лицо его вдруг прояснилось.
— Извините, герр Шульц, но я только что увидел, что единственное жилье, которое я мог предложить вам за ту цену, на которой вы настаиваете, уже занято. Только что в него вселилась пара ласточек.

«Бостон глоб», США.

широт

Шеф дружески хлопает по плечу своего служащего:
— Поздравляю вас, Смит, с новым наследником. Кажется, это у вас третий!
— Наследником, сэр? Но у клерков не бывает наследников, у них бывают просто дети.

●

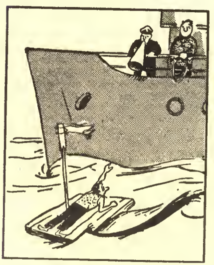
— Знаете, сегодня утром я почти видела вашего мужа.
— То есть как это «почти»?
— Если не ошибаюсь, номер вашей машины тридцать два двенадцать?
— Да.
— И ваш муж ездит на ней?
— Да.
— Так вот, сегодня я видела машину тридцать два тринадцать.

«Нью-йоркер», США.

●

Муж в ярости вбегает домой и кричит жене:
— Несчастная, мне все известно!
Жена, не теряя присутствия духа, отвечает:
— Все! В таком случае ответь, когда родился и умер Кромвель.

— У вас какие-нибудь затруднения?
«Трут», Австралия.

Маленький Пьер говорит маленькой Жанне:
— Давай играть в войну.
— А как это делать?
— Очень просто. Я буду генералом, ты будешь машинисткой, и я буду диктовать тебе свои мемуары.

●

Он — ей:
— По-моему, в последнее время вы слегка пополнели.
— Боже, разве такие вещи говорят даме!
— Прошу прощения,— совершенно сконфузился он,— но я думал, что вы уже в таком возрасте, когда это не имеет значения.

Карло МАНЦОНИ (Италия)

КТО УМНЕЕ

Ученые установили, что собаки якобы менее умны, чем обезьяны. Установили в результате каких-то тестов, суть которых сводилась к тому, что бедные животные должны были демонстрировать свое поведение в условиях иногда для них опасных и всегда неподходящих. А потом удивляются: почему, мол, собака не узнает фотографию, когда она сидит в камере, четыре дверцы которой то открываются, то закрываются, а три электрические лампочки беспрерывно мигают? Ах, какая глупая собака!

А что, если собаки считают все эти опыты глупыми и не желают сотрудничать с экспериментаторами при таких обстоятельствах? Я, во всяком случае, поступил бы именно так.

И вообще жаль, что подобные опыты не ставятся над самими учеными. Думаю, это было бы весьма поучительно. Насколько я знаком с учеными, некоторые из них вполне могут состязаться по интеллекту с бабуинами. На случай, если ученые захотят прислушаться к моим советам, рекомендую им несколько опытов.

Тест первый. Группу ученых из десяти человек помещают в небольшую запертую камеру, не объясняя им ни причины задержания, ни сроков. Держу пари, что все они будут страшно взволнованы, будут метаться по камере или клетке, выкрикивая бессмысленные слова о правах и конституции. Даже самые малоразвитые голуби, будучи помещены в такие же условия, вели бы себя куда рациональнее.

Тест второй. Группа ученых из девяти человек помещается в клетку, где пол постоянно качается, двери открываются и захлопываются, яркие лампы мигают без устали, а стулья на полу имеют всего по три ножки.

Не знаю, как вы, но я уверен, что часть из них попытается выброситься из окна (если, конечно, в клетке будет окно), другие упадут в глубокий обморок, а остальные попытаются войти в контакт с духами посредством столоверчения (если, конечно, в клетке будет стол).

Тест третий. Попытайтесь научить большую группу ученых нарисовать утенка Дональда из диснеевского фильма, давая есть только тем, кто сумеет выполнить задание. Не сомневайтесь, что часть возмутится, часть попытается укусить вас и лишь двое нарисуют нечто похожее на поросенка.

Тест четвертый. В этом опыте группе ученых в течение недели дают лангустов, икру, фазанов, спаржу, устриц, марочные вина и изысканные фрукты. Через неделю ученых перестают кормить. Им не дают ровным счетом ничего. И тоже в течение недели. А потом им показывают картинки с зверями. Ставлю сто к одному, что реакция у них будет не менее бурная, чем у самых невоздержанных собак.

Продолжать? Думаю, вы уже поняли, что в этом нет необходимости.

Перевел В. КВИТКО.

●

Новобранец, попавший в форт Дикс, впервые попробовал солдатский рацион. Указав на миску, он спросил у дежурного:
— А разве выбора у вас нет!
— Есть,— последовал ответ.— Либо ты будешь есть этот суп, либо нет.

КРОКОДИЛ
№ 14 (2276)
май

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: Н. Александров, О. Ведерников, В. Владов, Е. Гаврилин, Ю. Егоров, Е. Милутка, В. Мохов, В. Тамаев, Ю. Узбяков, Л. Филиппова, Ю. Черепанов.

■

НАШ АДРЕС:
101455,
Москва, ГСП,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

■

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(зам. главного редактора)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
(ответственный секретарь)
Технический редактор
В. Г. МОЧАЛОВ

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 12.04.79. Подписано к печати 20.04.79. А 07848. Формат бумаги 70×108¹/₈. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 850 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 647 250). Изд. № 1254. Заказ № 520.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865. Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени типографии Издательства ЦК КП Узбекистана, г. Ташкент, ул. «Правды Востока», 26. Тираж 5800000 (3 завод 4100001—4500000). Заказ № 978.

СВАДЕБНЫЙ ПОДАРОК

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

КРОКОДИЛ МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» Индекс 70448 Цена номера 20 коп.